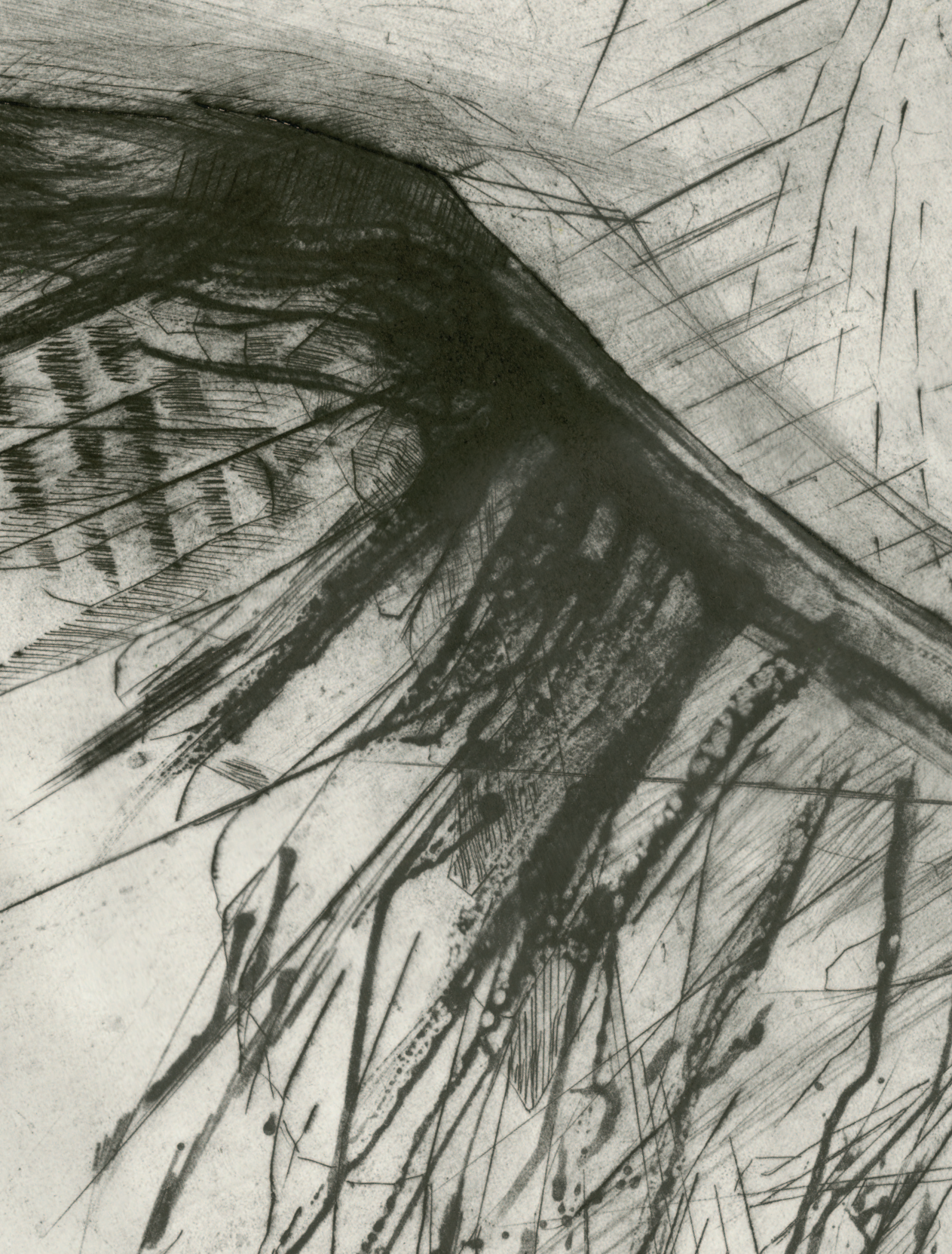
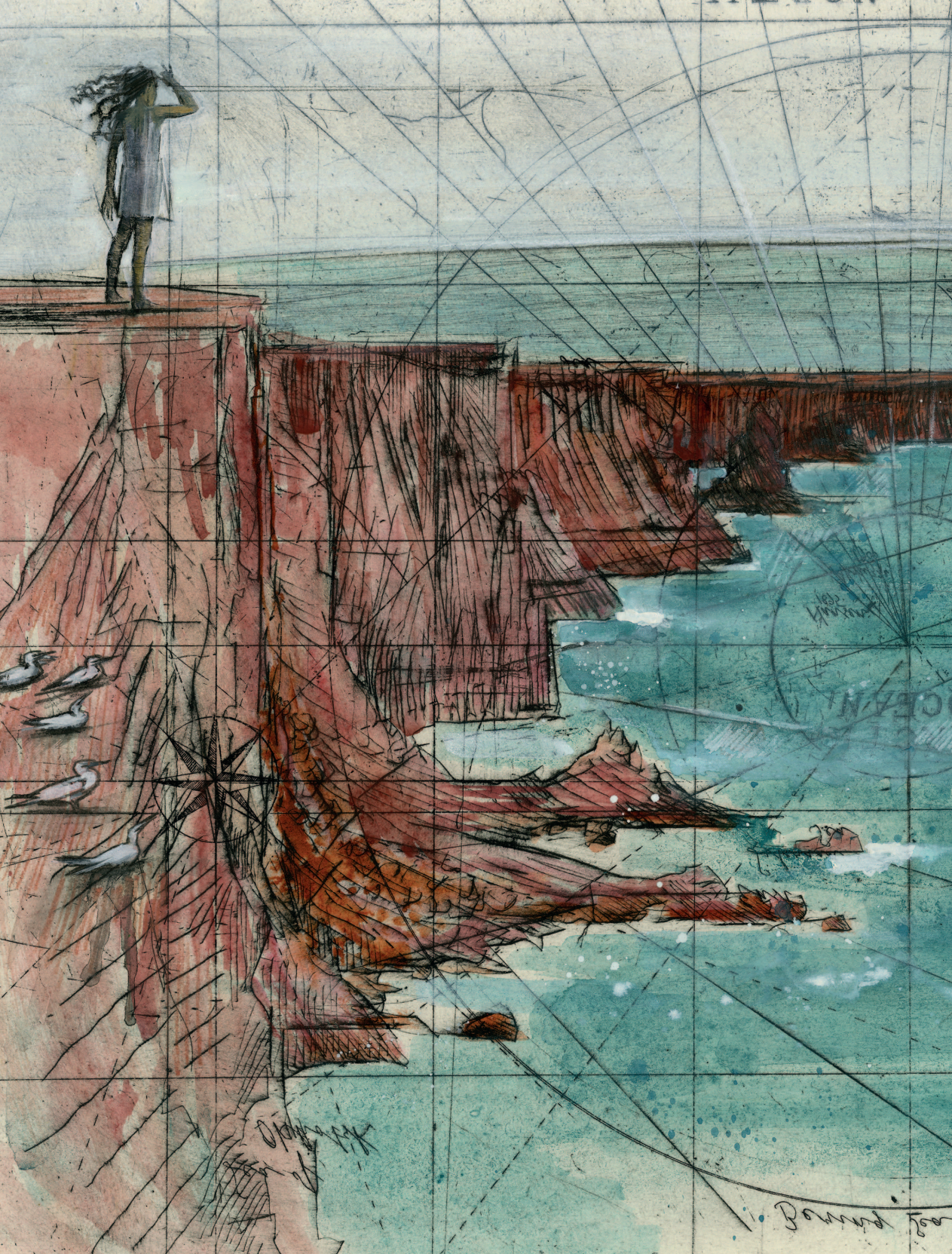

John
2004

David Joo

ГЛАВА 1

Если я скажу, что убила человека одним лишь взглядом, вы захотите услышать продолжение истории? Почему, каким образом и что произошло дальше? Или убежите от меня, как от мутного зеркала, как от тела из необычной плоти? Я знаю вас. Я знаю, что вы уйдете, но позвольте мне рассказать: вот девушка на краю обрыва, ее странные волосы развеваются на ветру. Внизу на лодке — мальчик. Позвольте им заполнить друг друга, ведь их история старше самого времени. Позвольте им раскрыться, пока не станет слишком поздно.

И дайте мне начать историю с того самого скалистого острова.

Мы — мои сестры и я — провели там в вечном изгнании, которое выбрали для себя сами, четыре года. Будучи пустынным, красивым и негостеприимным, это место удовлетворяло почти все мои потребности. Но вечность — слишком долго, и в некоторые дни я думала, что могу сойти с ума, что в принципе и случилось.

Да, мы сбежали; да, мы выжили, но вели полужизнь в укрытии пещер и теней. Моя собака Аргентус, мои сестры, я, и лишь ветер иногда шептал мое имя.

Медуза, Медуза, Медуза... Совершенные мною действия и принятые решения, моя жизнь, моя вера, мои спокойные дни и мысли — их больше не существовало. Что же осталось? Обнаженные выступы скалы, заносчивая и справедливо наказанная девушка и сказка о змеях. Жестокая реальность: я никогда не сталкивалась с переменами, которые не были бы чудовищными. И вот еще одна правда: я была одинока и зла, а ярость и одиночество в конечном итоге одинаковы на вкус.

Четыре года на острове — достаточный срок, чтобы подумать обо всем, что пошло не так в твоей жизни; о том, что с тобой сделали и что вышло из-под твоего контроля. Четыре года, проведенные в одиночестве, обостряют потребность в дружбе, в добром прикосновении, во внимательном слушателе. И раздувают твои мечты о любви.

Итак, вы стоите на вершине утеса, прячась за скалой. Ветер хлопает парусами, собака заливается лаем. Затем по-

является мальчик, и вы чувствуете, что ваши мечты вот-вот станут реальностью. Только на этот раз жизнь не обойдется с вами столь жестоко. На этот раз все будет хорошо и радостно.

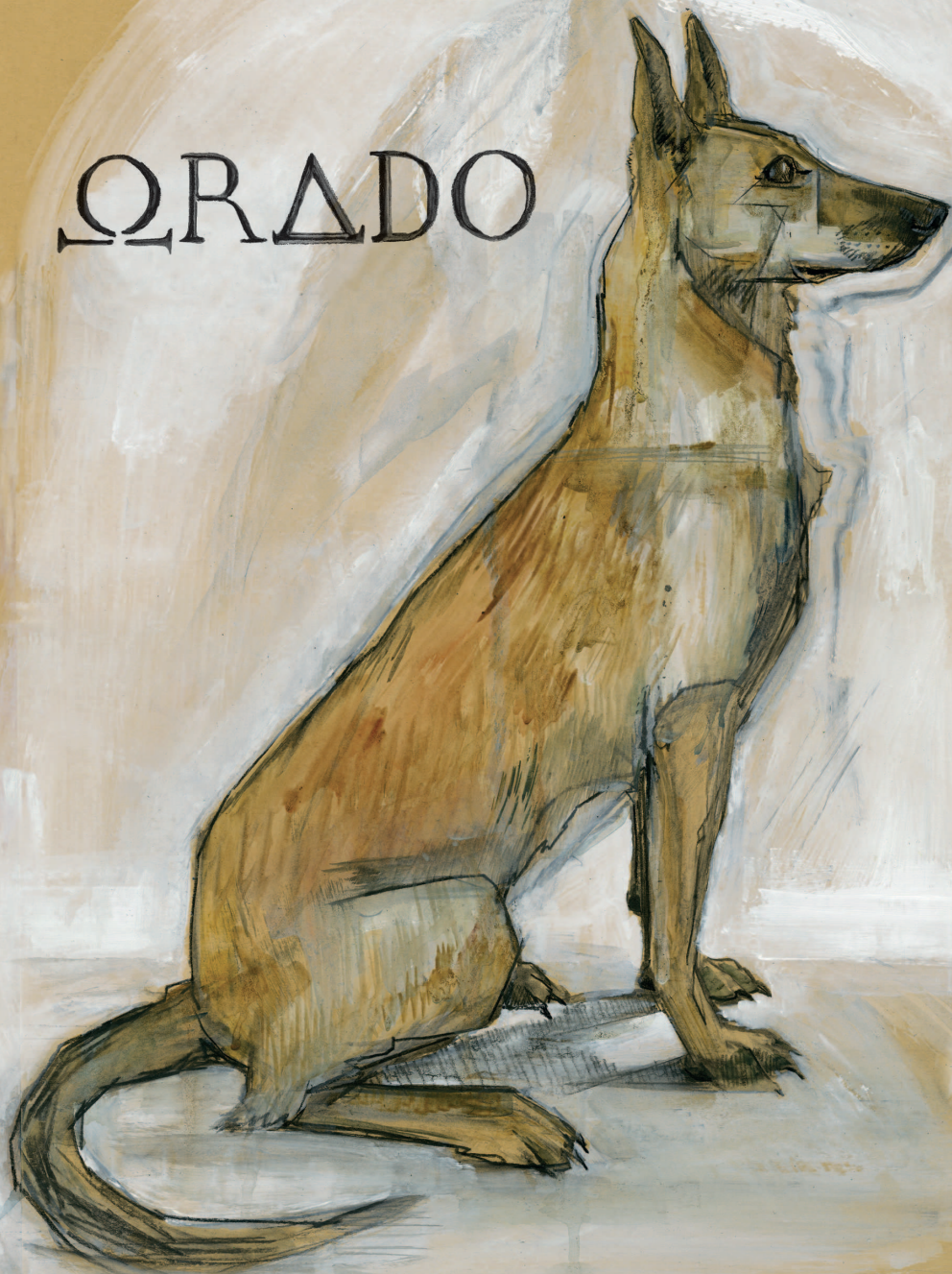
Первое, что бросилось мне в глаза, — я стояла на краю обрыва и смотрела вниз, а он сидел в лодке и не замечал меня, — его спина. Прекрасная спина. И то, как он кинул якорь в моих водах. Затем, когда он выпрямился, я увидела его голову. Идеальную! Обернувшись, он наклонил ее и посмотрел на мой остров. Он смотрел, но не видел.

Я много чего знаю о красоте. Слишком много. Но я не встречала никого, похожего на него.

Примерно моего возраста, высокий и пропорционально сложенный, хотя казался немного худоватым, будто давно путешествовал на лодке и не умел ловить рыбу. От падавшего в воду солнечного света его волосы сверкали, словно на нем была корона. Его грудь казалась барабаном, на котором мир отбивал свой ритм, его рот — танцующей музыкой.

На мальчика было больно смотреть, но я не могла отвернуться. Мне хотелось съесть его, как медовый торт. Воз-

ORADO

можно, я испытывала страх. Или желание. Но думаю, и то и другое. Я хотела, чтобы он заметил меня, и боялась, что это случится. Мое сердце было поражено, и его хотелось сдавить, как недавно появившийся синяк.

Казалось, мальчик оценивал масштаб и неприступность моих скал. Собака — источник лая, который и привлек мое внимание, — прыгала по шлюпке, как шар света.

— Орадо! — позвал мальчик этот солнечный шар. — Во имя любви к Зевсу, успокойся!

Он казался напряженным, но его голос оставался ясным. Я расслышала странный акцент, поэтому решила, что мальчик прибыл издалека. Пес Орадо сел и завилял хвостом. Мое израненное сердце сжалось, увидев это существо. «Друг для Аргентуса?» — спрашивала я себя и думала о том, как одиноко моей собаке без сородичей.

Но вы знаете, о чем я на самом деле думала: о друге для себя.

ГЛАВА 2

Молодой человек забрался на скалу и сел, свесив ноги. Он ничего не делал, кроме как поглаживал по голове Орадо. Его поза демонстрировала его нежелание здесь находиться, он был совершенно потерян. Мальчик, казалось, был готов прыгнуть в лодку, развернуть паруса и уплыть прочь.

«Сделай это! — безмолвно убеждала его я из своего укрытия. — Оставь это место. Так будет лучше для нас обоих. Мои скалы высоки не без причины».

Эти мысли расцвели в моей голове, как нежеланные цветы, а затем появилась еще одна: «Поднимись, поднимись сюда. Поднимись и заметь меня!»

Но это невозможно! «Медуза, — сказала я себе. — Представь момент, когда он посмотрит на тебя. Кого он увидит — монстра или девушку? Или и то и другое?» От переполнявшего меня волнения вдруг закружилась голова. Я подняла руки и услышала тихое шипение.

Четыре года назад я имела прекрасные волосы. Нет, лучше сказать, что четыре года назад вообще все было по-другому, в том числе мои волосы — такие прекрасные. Меня

часто обвиняли в тщеславии, но, учитывая факт, что они при этом не стеснялись на меня глазеть, я точно могу сказать: мои волосы были прекрасны. Я их не заплетала — если только во время рыбалки с сестрами: вы ведь не хотите, чтобы волосы падали вам на лицо, когда вы пытаетесь выловить кальмара. Темно-коричневые, длинные, они струились по спине, а сестры втирали в них тимьяновое масло.

Я особо никогда не думала о них — просто волосы. Но я скучаю по ним.

Сейчас мой череп стал домом для змей — от затылка до лба. Именно: для змей. Ни единого человеческого волоска, только желтые, красные, зеленые, синие и черные змеи — в крапинку и полосочку. Есть змея кораллового цвета, одна — серебряная. Три или четыре будто из блестящего золота. Я женщина, голова которой шипит, — неплохой способ начать беседу, если рядом окажется кто-то, с кем можно поговорить.

Ни у кого в мире нет такой головы, как у меня. По крайней мере, я так считаю, но могу и ошибаться. Возможно, в мире существуют другие женщины, у которых вместо волос змеи. Моя сестра Эвриала думает, что это дар богов. Вооб-

ще, она права: одарила меня змеями богиня Афина, но я не считаю это даром. Мой клубок змей, мои бедные малышки — или легковозбудимые головы с клыками. Разве может женщина, пытающаяся прожить обычную жизнь, захотеть подобного?

Когда я дышу, то чувствую, как змеи тоже дышат. Напрягаю мышцы — змеи поднимаются, готовясь к атаке. Эвриала говорит, они разумны так же, как я. И разнообразные по цвету и характеру они тоже из-за меня. Змеи были неуклюжими, как я, и дисциплинированными, потому что такая я. Но в итоге мы не сплелись в симбиозе: я не всегда могла предсказать поведение змей. Четыре года вместе, а я все еще не стала их любимицей. Они пугали меня/

Я закрыла глаза и попыталась не думать об Афине и ее ужасном предупреждении, когда мы бежали из дома: «Горетому, кто настолько глуп, чтобы взглянуть на тебя!» Афина не стала утруждать себя объяснениями, а мы, потрясенные и опечаленные, быстро сбежали, поэтому я пребывала в неведении, о каком горе говорила Афина.

Мне вовсе не хотелось, чтобы кто-то смотрел на меня. Я очень устала оттого, что на меня таращатся всю жизнь,